

Матушка из Поместья маркиза, Фан Жу, сидела на почетном месте и смотрела на Фу Юньвань, которая, не переставая, кланялась ей в ноги. Она поспешно подала знак двум служанкам поднять девушку и в недоумении спросила:

— Что случилось? С чего вдруг такие слезы?

— Матушка... — всхлипывая, позвала Фу Юньвань.

Фан Жу тихо вздохнула:

— Глупое дитя, где это видано, чтобы девушка не выходила замуж? Утри слезы, не говори подобных ребячеств.

— Но... матушка, дочь хотела бы еще два года послужить отцу и вам, прошу, исполните мою просьбу, — Фу Юньвань прикусила губу, лицо ее побледнело, но она продолжала настаивать на своем.

В душе Фан Жу уже было недовольна, но на лице ее заиграла улыбка:

— Мы с твоим отцом еще крепки здоровьем, в поместье полно слуг, да и невестки помогут, если что. Разве нужно тебе изводить себя заботами? К тому же, Резиденция князя Чэнь находится всего в нескольких кварталах от нашего Поместья маркиза. Если захочешь, после свадьбы можешь часто навещать нас, матушка будет только рада.

Услышав это, Фу Юньвань побледнела еще сильнее, но в глубине души не желала сдаваться. Она понимала: при нынешнем положении отца отменить эту свадьбу можно было одним словом. Сложность была лишь в том, что она была лишь наложницей, и у нее не было права просить об этом отца.

— Матушка... я... я...

Видя, что она до сих пор мнетя, Фан Жу нахмурилась, и в ее голосе проскользнули суровые нотки:

— Что такое? Есть еще какие-то причины для недовольства?

Под этим взглядом Фу Юньвань невольно покачала головой, и слова мольбы застряли у нее в горле.

Лицо Фан Жу прояснилось, она с улыбкой начала утешать:

— Девочки перед свадьбой всегда тревожатся, матушка сама через это прошла и понимает твои чувства. Завтра все закончится, и станет легче.

Она перевела взгляд на разбитый лоб Фу Юньвань и с ноткой вины произнесла:

— Посмотри на меня, заговорила и забыла, что ты ранена. Цзычжу, быстро принеси госпоже лучшее лекарство.

Вскоре служанка принесла снадобье, и Фан Жу лично вложила его в руки Фу Юньвань, не удержавшись от нотаций:

— Ну что же ты, если есть о чем сказать, почему нельзя говорить нормально, зачем себя так калечить? Если останется шрам, потом сама себя замучаешь сожалениями.

— Благодарю за заботу, матушка, я поняла, — перед лицом хлопотливой законной матери Фу Юньвань больше не было сил притворяться, и она с тяжелым сердцем поклонилась и ушла.

Вернувшись в свои покои, Фу Юньвань оглядела двор, который в зимнюю пору лишился зелени, но сохранял свою утонченность. Вспоминая, что Резиденция князя Чэнь сейчас пришла в такой упадок, что стала хуже, чем её собственный дворик наложницы, она ощутила горькую обиду.

Все вокруг говорили, что отец добился успеха, и вся семья поднялась вместе с ним, так почему же именно ее это обошло стороной? Почему после свадьбы ей придется жить хуже, чем до нее? Если бы было можно, она предпочла бы терпеть придирки законной матери в Поместье маркиза, чем выходить замуж в ту пучину, где не видно света.

Пока она, погруженная в раздумья, опиралась на перила в саду, ее взгляд упал на вымощенную галькой дорожку за двором. Там какой-то изящный юноша под предводительством управляющего направлялся в гостевой флигель.

— Кто это? — Фу Юньвань нахмурилась и тихо спросила стоявшую позади служанку.

Находчивая служанка поспешила разузнать и, вернувшись, доложила:

— Докладываю госпоже, я выяснила. Это внук из семьи Лу, что приехал на завтрашнюю свадебную церемонию.

Как только служанка это произнесла, Фу Юньвань поняла, кто перед ней. Это был единственный внук старого генерала Лу, чья семья погибла на поле боя, сын ее тети — ее двоюродный брат Лу Чэнлин.

В детстве они виделись несколько раз, когда отец еще служил под началом Генерала Лу в чине генерала кавалерии, и семьи поддерживали связь. Позже, когда Генерал Лу вместе со всей семьей, включая ее тетю, пал на поле боя, отец отдалился от этого племянника. Если подсчитать, они не общались уже лет десять, неудивительно, что она с трудом его узнала.

— Немало он сил потратил, — проговорила Фу Юньвань, но на лице ее не было ни следа радости.

Затем служанка достала список свадебных даров и почтительно протянула его госпоже:

— Госпожа, это подарки, которые передал двоюродный брат...

Служанка знала, что Фу Юньвань не рада этой свадьбе, поэтому говорила очень осторожно. Фу Юньвань мельком просмотрела список и без всякого интереса велела:

— Положите к остальным подаркам.

Служанка подчинилась. В этот момент Фу Юньвань внезапно вспомнила, что их с этим братом дни рождения разделяет всего месяц. Она позвала служанку и приказала:

— Разузнай, женат ли двоюродный брат. Если женат, нам нужно будет отправить ответный подарок.

Служанка поклонилась, быстро все выяснила и честно доложила:

— Госпожа, двоюродный брат не женат.

Фу Юньвань кивнула и с чувством произнесла:

— И правда, в его семье не осталось взрослых, некому даже заняться вопросом его женитьбы.

В этот момент подул ветер и перевернул страницы книги, которую она оставила несколько дней назад в садовой беседке. Взгляд девушки упал на текст, где говорилось, как Святой правитель случайно взял в жены молодого господина Сяо. Фу Юньвань замерла, и в ее душе вдруг зародилась пугающая мысль.

Се Аньлань вошел в Игорный дом Шэнъань. Хотя на улице было пустынно, внутри царило настоящее оживление. Здесь собрались люди всех мастей, и это хаотичное смешение выглядело на удивление гармонично. За игровыми столами толпились люди, не сводя глаз с карт или костей в руках крупье; от напряжения или азарта они забывали о своем происхождении, видя перед собой только выигрыш и проигрыш.

— Великий князь Чэнь!

В тот момент, когда Се Аньлань с интересом разглядывал древний игорный дом, к нему через шумную толпу, сложив руки в приветствии, подошел добродушного вида мужчина средних лет. Се Аньлань узнал его — это был Ли Юаньцзянь, хозяин игорного дома, чье имя буквально означало наличие больших денег.

— Хозяин Ли, — сдержанно отозвался Се Аньлань.

Услышав вежливое обращение, Ли Юаньцзянь на мгновение опешил, а затем его лицо приняло выражение предельного восторга. Сторонний наблюдатель мог бы подумать, что он невероятно почитает Князя Чэнь.

— Ладно, хватит ломать комедию. Я пришел не на тебя смотреть, — Се Аньлань задержал дыхание, не поддаваясь на уловки Ли Юаньцзяня. Он мечтал поскорее выбраться из этого дурно пахнущего зала.

— Да-да, Ваше Высочество, прошу за мной, — заметив, что Се Аньлань ведет себя как обычно, Ли Юаньцзянь расслабился и проводил его на второй этаж.

— Ваше Высочество, сегодня как обычно? — привычно спросил Ли Юаньцзянь, поднявшись наверх, но, едва закончив фразу, помрачнел.

Се Аньлань заметил его реакцию, но сделал вид, что ничего не понял:

— Что случилось?

Ли Юаньцзянь долго подбирал слова и наконец медленно ответил:

— Ваше Высочество, ваши долги в нашем заведении за последние дни превысили тысячу ляннов. Вы ведь знаете наши правила: если долг выше тысячи, доступ в комнаты категории Тянь закрыт. Прошу вас, войдите в наше положение.

Се Аньлань холодно посмотрел на Ли Юаньцзяня. Все эти правила были чушью: хозяин говорил так, лишь потому что знал, как сильно прежний владелец тела дорожил своим лицом. Даже в таком жалком положении он оставался князем, с детства привыкшим к сословным различиям, и презирал все, кроме VIP-комнат высшего разряда. Ли Юаньцзянь, имевший покровителей, не мог открыто требовать долг с князя, поэтому пустился на такую хитрость. Прежний Се Аньлань, услышав это, из кожи вон лез бы, чтобы вернуть долг, снова начинал играть и снова проигрывал — так он и довел резиденцию до нынешнего состояния.

Но Се Аньлань — не тот, кто дорожит фальшивым имиджем. Когда нечего есть, какое может быть дело до лица?

Се Аньлань внезапно рассмеялся:

— Я сегодня и не собираюсь в комнату категории Тянь. Сколько раз бывал у вас, а другие места так и не осмотрел. Хозяин Ли, не возражаете, если я прогуляюсь?

Ли Юаньцзянь, едва не вспотевший от пристального взгляда князя, разумеется, не мог отказать и принялся рассыпаться в любезностях. Се Аньлань неспешно прогуливался по другим залам второго этажа, не обращая внимания на удивленные взгляды окружающих. Здесь, в отличие от первого этажа, собирались дети богатых чиновников — бездельники, которые, даже ведя себя неподобающе, все же обладали неким налетом воспитания, не

позволявшим им, подобно бродягам внизу, чесать ноги прямо во время игры.

Осмотревшись, Се Аньлань выбрал стол, где бросали кости, и с широким жестом поставил на кон одну монету.

— Пф-ф...

Раздался смешок. Какой-то знатный юноша в синих парчовых одеждах, как раз выходивший из VIP-комнаты, не смог сдержать улыбку, увидев этот героический жест. Се Аньлань обернулся и удивленно приподнял бровь. Перед ним стоял Хэцзяньский удельный князь Се Хуажун, с которым он часто играл. Половина денег прежнего владельца тела утекла именно к нему, поэтому он запомнил его очень хорошо.

— Кузен, если у тебя нехватка денег, стоило сказать мне напрямую, зачем же так унижаться?

— Се Хуажун подошел ближе, глядя на одинокую монету среди кучи серебра, и с насмешливой улыбкой покачал головой.

— Отлично, тогда младший кузен, не будь так добр, дай старшему брату немного денег — скажем, десять тысяч лянов, — как раз когда сонному принесли подушку, подумал Се Аньлань и, не теряя времени, протянул руку, требуя немедленной выплаты.

Се Хуажун, собиравшийся отделаться десятью-восемью лянами, от этих слов застыл, глядя на него так, словно увидел привидение. Это... это точно его гордый кузен, который так пекся о своем лице?

Се Хуажун спрятал руку, которой хотел выдать деньги, и неловко усмехнулся:

— Кузен, ты серьезно?

Се Аньлань с самым серьезным видом кивнул:

— Куда уж серьезнее. Давай деньги, быстрее.

Лицо Се Хуажуна вытянулось. Он не мог понять, почему кузен, который раньше при виде него дрожал, словно мышь перед котом, сегодня вдруг стал таким наглым. Он оказался в неловком положении перед всей толпой. Дашь денег — будешь посмешищем, не дашь — тоже.

— Что, кузен, решил отказаться от своих слов?

Видя, что Се Хуажун молчит, Се Аньлань прищурился, и его тон приобрел весьма интригующий оттенок.